

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-74-91

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АППАРАТ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ И НЕСОСТОЯВШИЙСЯ МАТЧ АЛЁХИН – БОТВИННИК (1939–1940 гг.)

Д.И. Олейников

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)
125993, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6
oleinikovdi@yandex.ru

Рассмотренная на основании новых архивных документов история несостоявшегося матча на первенство мира по шахматам между эмигрантом-невозвращенцем А.А. Алёхиным и чемпионом СССР М.М. Ботвинником существенно углубляет наши представления о нечастых в то время позитивных контактах «Руси советской» и «Руси зарубежной», а также демонстрирует способы и приемы деятельности советского управленческого аппарата сталинской эпохи. Проведенный анализ документов показывает, что именно управленческий аппарат на уровне СНК СССР и нового руководства Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта сыграл ключевую роль в срыве шахматного матча, который мог стать знаковым для установления контактов СССР и мира Русского зарубежья.

Ключевые слова: Шахматы, А.А. Алехин, М.М. Ботвинник, Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта, Русское зарубежье, бюрократия

Введение

До настоящего времени историки культуры и специалисты по эмиграции, биографы двух великих шахматистов, чемпионов мира А.А. Алёхина и М.М. Ботвинника не использовали в качестве источника «Дело № 035–30. О проведении матча на мировое шахматное первенство между тов. Ботвинником и Алехиным (Франция). Начато 27 марта 1939 г. Окончено 22 марта 1940 г.»¹, обнаруженное в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) и включающее в себя официальные документы и переписку. Эти закрытые под грифом «Совершенно секретно» документы красной папки

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 24а. Д. 322. Листы дела подшиты в обратном хронологическом порядке, и соответственно пронумерованы по убыванию, начиная с Л. 56.

Управления делами Совнаркома СССР длительное время вообще не выдавались исследователям. Между тем эти документы представляют научный интерес не только для биографа или историка шахмат.

Историография данного вопроса фактически не сложилась: наиболее авторитетные из работ представляют собой общие нарративные биографии А.А. Алехина, которые написаны в научно-популярном жанре², причем только соавтор одной из них, И.М. Линдер, был профессиональным историком, специалистом по шахматам дореволюционной России; касающиеся темы современные зарубежные исследования³ и публикации в научной периодике⁴ либо не затрагивают сам вопрос о внутрисполитической стороне матча Алехина и Ботвинника, либо, как и указанные научно-популярные работы, основываются на очень ценных, но весьма неполных по информации и субъективных воспоминаниях М.М. Ботвинника «У цели»⁵, – как теперь выясняется, существенно неточных⁶.

Майкл Хадсон (Michael A. Hudson) высказывает предположения о том, что причиной срыва матча стали неприятие шахматным руководством СССР «буржуазных шахмат» и особенно нежелание иметь дело с «предателем» Алехиным, позволяющим себе антисоветские высказывания. Однако никаких иных источников, кроме мемуаров Ботвинника, М. Хадсон не приводит⁷. Е.А. Левин, разбирая в общем феномен политизации советского спорта в 1924–1991 гг. на примере шахмат и утверждая о невозможности проведения матча, вообще основывается на обобщенном представлении о том, что «буржуазно-аристократическое происхождение Алехина, его дальней-

² Котов А.А. Александр Алехин. М.: Физкультура и спорт, 1973. 254 с. (Выдающиеся шахматисты мира); Шабуров Ю.Н. Алехин. М.: Молодая гвардия, 2001. 265 с. (Жизнь замечательных людей: Вып. 794); Линдер И.М., Линдер В.И. Александр Алехин: жизнь и игра М.: АСТ: Астрель, 2007 (Энциклопедия шахматного Олимпа).

³ Hudson Michael. *Storming Fortresses: A Political History of Chess in the Soviet Union, 1917–1948*. Ph.D., History UC Santa Cruz, 2013.

⁴ Bernstein, Seth. *Valedictorians of the Soviet School: Professionalization and the Impact of War in Soviet Chess* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* – Volume 13, Number 2, Spring 2012 (New Series) P. 395–418; Левин Е.А. Феномен политизации шахматного спорта в СССР // *Современные исследования социальных проблем. Электронный научный журнал*. №11 (55). 2015. URL: www.sisp.nkras.ru.

⁵ Ботвинник М.М. Шах двадцатому веку. М.: АСТ, «Зебра Е», 2010.

⁶ Интересные дополнения к указанным мемуарам можно найти в последних подробных интервью с М.М. Ботвинником, сделанных в 1990 г. для фильма «Осень шахматиста. Михаил Ботвинник».

⁷ Hudson Michael. *Storming Fortresses: A Political History of Chess in the Soviet Union, 1917–1948*. Ph.D., History UC Santa Cruz, 2013. P. 257–261.

ший жизненный путь, делали практически невозможным любое его сближение с советским государством и его официальными представителями». Оценка А. Левиным позиции советского руководства по отношению к матчу внутренне противоречива и также не подкреплена ссылками на источники; сам аппарат рассматривается как некий монолит, «партийно-шахматное руководство»⁸.

Актуальность исследования истории несостоявшегося матча на первенство мира по шахматам между «эмигрантом-невозвращенцем» Александром Алёхиным и чемпионом СССР Михаилом Ботвинником определяется как недостаточной разработанностью темы, так и непреходящим интересом к социокультурной и политической истории СССР середины XX века; его результаты смогут углубить наши представления о нечастых в то время контактах «Руси советской» и «Руси зарубежной», а также продемонстрировать механизмы, способы и приемы деятельности советского управленческого аппарата в 1939–1940 гг. Таким образом, создается возможность характерного для современной исторической науки «многоуровневого видения социокультурного пространства», при котором большую роль играет «переход от людей к структурам и обратно»⁹.

Цель статьи – показать с помощью вводимых в оборот новых источников, почему не состоялся одобренный на высшем уровне советского и партийного руководства матч между А.А. Алехиным и М.М. Ботвинником, для чего решить задачи по выявлению круга сторонников и противников матча и определению роли важнейших составляющих исполнительной власти авторитарной государственной структуры: управленческого аппарата на уровне СНК СССР и подчиненного ему Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта.

«Показать, насколько возросло значение Советского Союза...»

К концу 1930-х гг. шахматы стали, по оценке некоторых исследователей, самым популярным видом спорта в СССР с почти миллионом зарегистрированных шахматистов. От задач массовости, характерных для советского спорта эпохи 1920-х – первой половины 1930-х гг., начинался переход

⁸ *Левин Е.А.* Феномен политизации шахматного спорта в СССР // Современные исследования социальных проблем. Электронный научный журнал. 2015. № 11 (55). С. 92.

⁹ *Ретина Л.Г.* Историческая наука на рубеже XX–XXI веков: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. С. 93–94; *Arcangeli Alessandro.* Cultural history. A Concise Introduction. Routledge, 2012. P. 16.

к задачам мировых рекордов и завоевания мировых первенств. Советский чемпион М.М. Ботвинник уже в то время рассматривался как достойный конкурент «буржуазных мастеров»¹⁰.

В конце 1938 г. 27-летний Михаил Ботвинник нашел способ обойти очередь претендентов на матч с чемпионом мира по шахматам Александром Алёхиным. 29 ноября он, воспользовавшись возможностью личной встречи во время сильнейшего АВРО-турнира в Голландии (там Ботвинник – третий, с победами над чемпионом мира и экс-чемпионом – Х.-Р. Капабланкой; Алёхин – только шестой), быстро получил принципиальное согласие Алёхина на организацию матча. Но при встрече было решено сам факт переговоров держать в тайне до тех пор, пока М. Ботвинник все не согласует, а Москва официально не объявит о матче¹¹.

К тому времени отношение к А. Алёхину, «эмигранту-невозвращенцу»¹², в СССР изменилось в лучшую сторону. В конце 1920-х гг. характерной была формулировка, озвученная А.Ф. Ильиным-Женевским в идеологической «передовице» к сборнику партий матча на первенство мира Капабланка – Алёхин 1927 г. С одной стороны, отмечалось, что Алёхин, «уехав в 1921 г. с разрешения Советской власти за границу, порвал всякие связи с советской шахматной жизнью и, наконец, докатился до белогвардейских подонков Парижа», поставил себя «в ряды наших непримиримых политических врагов». С другой стороны, было заявлено: «Кем бы ни был Алёхин в политическом отношении, он продолжает оставаться крупнейшим шахматистом нашего времени. Наше изучение шахматного искусства будет неполным, если мы выкинем из него Алёхина. По партиям Алёхина будет учиться и повышать квалификацию наша шахматная молодежь»¹³.

В свою очередь, сам Алёхин в одном из интервью в мае 1929 г. говорил: «Сейчас я вообще не связан с политикой. По взглядам я убежденный демократ, но не в такой чрезмерно левой форме, как нынешнее российское

¹⁰ *Riordan, James. Sport in Soviet Society. Development of Sport and Physical Education in Russia and the USSR. Cambridge University Press, 1977. P. 139–140; Филиппов А.Н. Государственная политика СССР в области физической культуры и спорта: 1920–1930 гг.: Дис... кандидата исторических наук. 07.00.02. [Место защиты: Ярослав.гос. ун-т им. П.Г. Демидова]. Ярославль, 2012. С. 157, 163–165, 184.*

¹¹ *Ботвинник М.М. Шах двадцатому веку. М.: АСТ, «Зебра Е», 2010. С. 121.*

¹² Алёхин почему-то не попал в добротную работу о «невозвращенцах» В.Л. Гениса [13].

¹³ *Ильин-Женевский А.Ф. Несколько слов об Алёхине / Матч Алёхин – Капабланка на первенство мира: сборник всех партий матча / Г. Я. Левенфиш и П. А. Романовский; [предисл.: А. Ильин-Женевский]. – Ленинград: Изд-во ВСФК «Шахматный листок», 1928. С. 4.*

руководство. При этом я всей душой приветствую все попытки советского правительства развивать и поддерживать шахматную активность в СССР»¹⁴.

«Оттепель» в отношениях обозначилась к 1935 г., когда Алёхин прислал поздравление советским шахматистам с годовщиной Октябрьской революции. Вопрос о публикации телеграммы Алёхина рассматривался на самом высоком уровне, в ЦК ВКП(б). В записке на имя Секретаря ЦК ВКП(б) тов. Сталина (копия: Председателю Совнаркома СССР тов. Молотову) нарком юстиции и патрон советских шахмат Н.В. Крыленко предложил поздравление «рenegата и белогвардейца» напечатать, но начать со следующей отповеди: «Политическое предательство и ренегатство не искупаются так легко... никакие таланты не спасут Алёхина от ... заслуженного презрения...» и т.д. Однако лично Сталин начертил резолюцию: «Напечатать без комментариев», и под ней поставили подписи Л.М. Каганович, А.И. Микоян, М.И. Калинин, Г.К. Орджоникидзе, С.В. Косиор, Н.И. Ежов и другие. Письмо напечатали без комментариев¹⁵.

Алёхин рассказал о своей внутренней мотивации только в 1945 г. в открытом письме в британский журнал «*Chess*»: «Около двадцати лет я ношу прозвище “белого русского”, что мне особенно больно, так как это делало для меня невозможным связь с моей Родиной, хотя я никогда не переставал любить ее и восхищаться ею... В течение 1938–1939 гг., я надеялся в результате переговоров и переписки с чемпионом СССР Ботвинником положить конец этой нелепой легенде путем организации в Советском Союзе матча между нами, который был практически решен»¹⁶.

Все это не было известно в 1938–39 гг., и любые контакты с Алёхиным по личной инициативе (а предложение об организации матча было личной инициативой Ботвинника) казались подозрительными. На всякий случай даже на конфиденциальную встречу с Алёхиным Ботвинник пошел со свидетелем – гроссмейстером С. Флором. Советский чемпион вспоминал: «Все-таки я человек осторожный и, хотя у меня были хорошие отношения с Александром Александровичем, я все-таки помнил, что он – эмигрант, и мне нужен был свидетель для того, чтобы всегда можно было бы объявить о том, о чем, собственно, мы с ним говорили... Я решил взять “грех” на свою душу. Вообще, я всегда так действовал. Когда я считал, что это выгодно советскому народу, советскому государству, я иногда даже на-

¹⁴ Brooklyn Daily Eagle. 19 May 1929. P. 7.

¹⁵ «Никакие таланты не спасут Алёхина...» // Источник. 1997. № 6. С. 141.

¹⁶ *Шабуров Ю.Н.* Алехин. М.: Молодая гвардия, 2001. (Жизнь замечательных людей. Вып. 794. С. 94).

рушал инструкции. Потому что я считал, что самая главная инструкция – это действовать на благо советского народа»¹⁷.

Вернувшись, Ботвинник развил личную инициативу, воспользовался своим знакомством с Н.А. Булганиным (в то время главой правления Госбанка и заместителем Предсовнаркома) и отправился к нему на прием: ведь матч на первенство мира должен был финансироваться государством.

Ботвинник четко изложил свою аргументацию: «Можно будет показать, насколько возросло значение Советского Союза вообще и в мировой культуре в частности, когда даже такой маленький вопрос, как вопрос о шахматном первенстве мира, не может быть правильно разрешен без помощи социалистической страны»¹⁸. Булганин порекомендовал написать официальное письмо прямо на имя председателя Совнаркома В.М. Молотова.

Примерно через месяц фельдъегерь вручил Ботвиннику правительственную телеграмму от 21 января 1939 г.: «Если решите вызвать шахматиста Алёхина на матч, желаем вам полного успеха. Остальное нетрудно обеспечить»¹⁹. Телеграмма была подписана Молотовым, но Ботвинник был уверен, что текст продиктовал лично Сталин, о чем написал в своих воспоминаниях: «Вспоминая этот эпизод, я случайно произнес текст телеграммы с кавказским акцентом и понял, что, скорее всего, она была продиктована Сталиным. Это его стиль: особенно характерно «Желаем» (а не желаю) и “нетрудно обеспечить”»²⁰.

Ботвинник быстро ответил, причем следом за необходимыми благодарностями в его письме шла просьба начать официальные переговоры о матче как можно скорее. Однако весь дальнейший процесс подготовки к матчу теперь напрямую зависел от работы «аппарата», в результате о скорости пришлось забыть.

Противодействие

Риск матча с Алёхиным, точнее, риск проигрыша «невозвращенцу» был опасен не только для Ботвинника, но и для всего руководства, имевшего отношение к подготовке матча. Только что назначенный руководить Всесоюзным комитетом по делам физической культуры и спорта при СНК СССР

¹⁷ Интервью М.М. Ботвинника // Осень шахматиста [1990]: документальный фильм / Сценарий И. Петров, режиссер В. Виноградов. [ТПО «Союзтелефильм», «Экран»; Студия документальных телефильмов].

¹⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 24а. Д. 322. Л. 14.

¹⁹ Там же. Л. 31.

²⁰ *Ботвинник М.М.* Шах двадцатому веку. М.: АСТ, «Зебра Е», 2010. С. 126.

В.В. Снегов занял место арестованного «контрреволюционера» А.В. Зеликова²¹ и не мог чувствовать себя уверенно на новом посту, что сразу же заметил Ботвинник при встрече с ним в конце зимы. Он писал по этому поводу: «Не могу найти общего языка с лицом, от которого зависит моя шахматная деятельность. Молчание, перемежающееся недружелюбными замечаниями... Недружелюбие Снегова было первым проявлением противодействия матчу с Алёхиным. Тогда я не выяснил, чем это было вызвано» (позже Ботвинник говорил, что дело было в зависти)²².

Между тем Алёхин ждал (и тщетно) реакции Москвы, оговоренного официального объявления о вызове на матч, разве что догадываясь, что по истечении условленного между шахматистами срока бюрократическая машина только начала сдвигаться с места.

26 марта 1939 г. Снегов все-таки начал документооборот и написал секретное письмо В.М. Молотову: «Комитет по делам Физкультуры и спорта просит санкционировать организацию означенного матча и дать указания по основным условиям регламента матча...» Идеологическая подоплека была показана совершенно явно: «Решая принципиальную сторону этого проекта, необходимо учесть, что сам факт вмешательства советской физкультурной организации в область организационных вопросов буржуазного спорта беспрецедентен и будет иметь значение, далеко выходящее за пределы одних только интересов советского физкультурного движения»²³.

При этом Снегов осторожно создавал пути для отступления. Он заявлял: «При решении этого вопроса, однако, необходимо учесть, что А. Алёхин является невозвращенцем, хотя в последние годы и проявляет в своих выступлениях в печати лояльное и благожелательное отношение к Советскому Союзу, но фактически, не сделавшим достаточно определенных и искренних заявлений, осуждающих его прежнее враждебное отношение к СССР.

Это обстоятельство приобретает тем больший вес, что Алёхин обязательным условием для проведения матча ставит возможность своего приезда в СССР на 15 дней за 2–3 месяца до начала состязания, для участия в небольшом турнире, с целью ознакомления с условиями шахматных соревнований в СССР и некоторой акклиматизации.

Значительная продолжительность всего матча, необходимость в связи с этим длительного пребывания АЛЁХИНА в СССР и тот огромный ин-

²¹ А.В. Зеликов, член ВКП(б), образование неполное среднее, арестован 25.12.1938, осужден 15.04.1939 по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации, расстрелян на следующий день. Реабилитирован в августе 1956 г.

²² *Ботвинник М.М.* Шах двадцатому веку. М.: АСТ, «Зебра Е», 2010. С. 127.

²³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 24а. Д. 322. Л. 4.

терес широких масс, который будет проявляться к матчу на всем его протяжении, заставляют особенно серьезно остановиться на таком политически важном моменте, как приглашение АЛЁХИНА в СССР.

Политическая одиозность приглашения АЛЁХИНА в СССР может быть с избытком компенсирована фактом победы БОТВИННИКА, которая в условиях проведения матча в Советском Союзе является наиболее вероятной»²⁴.

Излагая предложения Ботвинника (и понимая, что они уже одобрены «наверху»), Снегов, тем не менее, не мог не изложить собственную позицию. Судя по письму, Ботвинник для Снегова – чуть ли не случайно попавший в восьмерку сильнейших шахматистов планеты представитель СССР, и его матч с чемпионом мира – дело рискованное. Поэтому Снегов предлагал вместо прямой встречи с Алёхиным организовать в СССР турнир восьми претендентов, а товарищу Ботвиннику пока присматриваться, «вести переговоры с нынешним “клубом восьми” в плане высказывания отдельных мыслей о целесообразности изменения существующей системы розыгрыша мирового шахматного первенства»²⁵.

Внешне Снегов действовал в интересах государства – что будет, если советский чемпион проиграет эмигранту-невозвращенцу Алёхину, какой это будет удар по престижу страны Советов! Внутренне же сквозь строки Снегова сквозит перестраховка: за неудачу отвечать ему, и если нельзя ее предотвратить, то потом можно будет хотя бы сослаться на свои «здравые» предложения.

И, тем не менее, СНК своих позиций не изменил: «дело Ботвинника» снова попало к заместителю Предсовнаркома Н.А. Булганину, который в конце марта 1939 г. дал разрешение проводить матч с Алёхиным в СССР, в Москве.

Сразу после этого официальный вызов Алёхину был отправлен. Правда, сделано это было с чудовищным опозданием. В конце ноября 1938 г. Алёхин дал Ботвиннику больше месяца «запаса», предложив направить вызов по адресу в Тринидад и Тобаго: там чемпион намеревался пробыть до февраля 1939 г., чтобы давать сеансы одновременной игры и прицениваться к земельным участкам. Письмо с вызовом было отправлено только после 26 марта, после разрешения Булганина. Алёхина в Тринидаде и Тобаго уже давно не было (перемещения Алёхина по миру можно отследить благодаря капитальному труду Л. Скиннера и Р. Верховена²⁶).

²⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 24а. Д. 322. Лл. 32–34.

²⁵ Там же. Лл. 2, 3.

²⁶ *Leonard M. Skinner; Robert G. P. Verhoeven. Alexander Alekhine's Chess Games, 1902–1946: 2543 Games of the Former World Champion.* – Jefferson, N.C.; London, 1998. Pp. 635–658.

Пауза в ожидании ответа усложнила позицию Ботвинника: пришло время для очередного чемпионата СССР, и любое место в нем, кроме первого, давало козыри противникам матча с Алёхиным. Целый месяц, с 15 апреля по 16 мая 1939 г., Ботвиннику пришлось доказывать, что он действительно является сильнейшим шахматистом СССР.

Дело двинулось дальше после того, как Ботвинник занял первое место. К тому времени Молотов перепоручил вести дело Ботвинника своему новому заму А.Я. Вышинскому, который был утвержден в этом качестве на сессии Верховного Совета СССР 31 мая 1939 г. «Команда» Вышинского еще в 1938 г. унаследовала многие заботы расстрелянного тогда наркома юстиции Н.В. Крыленко, теперь на ее долю пришлось и покровительство шахматам (Н. В. Крыленко много лет возглавлял шахматную организацию СССР).

На справке, излагающей суть предложений Ботвинника, Вышинский начертал лично: «Согласен, надо разрешить вопрос о порядке установленных сроков и правил»²⁷. В мае по настоянию Ботвинника было отправлено еще одно письмо-вызов Алёхину: на этот раз по его постоянному парижскому адресу. Но в то время адресат находился в турне по странам Южной Америки. Едва вернувшись в Париж, чемпион мира ответил полным энтузиазма письмом от 20 июля, которое можно было считать официальным согласием на проведение матча в Москве: «Я с тем большей готовностью принимаю Ваш вызов, что помимо встречи в ответственной состязании с лучшим представителем нашего искусства в СССР – он даст мне желанную возможность посетить Вашу родину и раз навсегда выявить мое истинное отношение к ней»²⁸.

Комитет по физкультуре и спорту окончательно определился со сроками и обеспечением матча: его было решено проводить в Колонном зале Дома Союзов (или аналогичном, не менее, чем на 1500 мест), смета расходов составляла 600 тысяч рублей. Однако именно на вопросе финансирования дело неожиданно застопорилось.

В этом месте Ботвинник заканчивает всю историю словами: «1 сентября началась вторая мировая война, и первый этап переговоров о матче был окончен» или вообще «всё было кончено»²⁹. Архивные документы показывают, что история имела довольно богатое продолжение.

²⁷ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 24а. Д. 322. Л. 17.

²⁸ Там же. Л. 38.

²⁹ *Ботвинник М.М.* Шах двадцатому веку. М.: АСТ, «Зебра Е», 2010. С. 124; *Осень шахматиста.* Михаил Ботвинник. Режиссер В. Виноградов. М., 1990.

Наперегонки с войной

25 сентября 1939 г. Вышинский одобрил как идею проведения матча в Доме Союзов, так и саму возможность его финансирования. Уже шла мировая война, будущее становилось туманным, а согласно условиям Алёхина официальное приглашение на матч должно было быть направлено ему в Буэнос-Айрес, где в августе–сентябре проходила Всемирная шахматная Олимпиада (СССР тогда в таких «буржуазных» соревнованиях принципиально не участвовал). Необходимо было спешить, и в письме от 3 октября 1939 г., направленном в Наркомат финансов министру А.Г. Звереву, Вышинский синим карандашом указывал на срочность и важность дела; он требовал ответа в пятидневный срок и приказывал помощникам: «Лично обеспечить своевременное получение ответа. При задержке доложить...»³⁰.

Однако столь жесткое требование, даже в критических условиях военного времени, было медленно приторможено опытными управленцами. Ответ Наркомфина последовал не через 5 дней, а почти через две недели, 16 октября. Алёхин между тем уже выехал с гастролями в Уругвай, в Монтевидео, для участия в турнире в пользу польского Красного креста вместе с французскими и британскими шахматистами (что характеризует его отношение к начавшейся Второй мировой войне)³¹. К тому же ответ был нерешительным: можно дать дотацию в 150 тысяч рублей, остальное пусть обеспечивает Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта.

На перемещение бумаг ушла еще неделя, и 23 октября 1939 г. Всесоюзный комитет по делам физической культуры признался, что без помощи Наркомфина таких денег дать не может. К тому же Снегов получил шанс еще потянуть: 26 октября пришло сообщение ТАСС о том, что Алёхин ведет переговоры совсем о другом матче – с Х.Р. Капабланкой (этого матча-реванша мир ждал почти 15 лет после проигрыша Капабланки в 1927 г.). О деталях и реалиях того, что было принято за «переговоры», подробно пишет в своей работе Эд. Винтер³².

Докладывая «наверх» 1 ноября, Снегов не мог не рапортовать, что пока информация не подтвердилась, «работа будет продолжаться», однако, как он писал, «если все же окажется, что Алёхин действительно пренебрег взятыми на себя обязательствами и односторонне нарушил данное им

³⁰ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 24а. Д. 322. Л. 39.

³¹ Leonard M. Skinner, Robert G. P. Verhoeven. Alexander Alekhine's Chess Games, 1902–1946: 2543 Games of the Former World Champion. Jefferson, N.C.; London, 1998. P. 648.

³² Winter, Ed. Capablanca. Jefferson, N.C.; London, 1989. P. 240.

обещание, то этот факт является неоспоримым доказательством истинного отношения Алёхина к Советскому Союзу и позволяет сделать из него необходимые выводы»³³.

Так дело снова затянули. 3 ноября Вышинский перепоручил заняться возникшей коллизией своему помощнику Т. Тишенкову, которого попросил «дать заключение по этому вопросу и доложить ему весь материал с проектом решения»³⁴.

В тот же день войска Ленинградского военного округа и Балтийский флот получили приказы готовиться к войне с Финляндией. Примерно тогда же Тишенков предоставил ответ «считать возможным организацию матча Ботвинник–Алёхин».

Из СНК были спущены официальные распоряжения:

«Вышинский – Снегову и Звереву (Наркомфин)

СНК Союза ССР поручает тов. Снегову разработать и представить в СНК СССР свои предложения о порядке организации и проведения матча.

Наркомфину установить дотацию бюджета 100 000 рублей (вместо 150 000)»³⁵.

27 декабря 1939 г. Вышинскому было доложено:

«В исполнении указанного выше решения тов. М.М. Ботвинником в начале декабря с. г. послана телеграмма АЛЁХИНУ следующего содержания:

“Независящим от меня причинам ответ задержался тчк условия письма 20 июля в основном приняты тчк реализация мероприятия намечена осенью сорокового года в Москве тчк По получении Вашего телеграфного согласия последует официальное объявление”.

Телеграмма эта на русском языке, написанная латинским шрифтом была отправлена по имевшемуся у нас адресу АЛЁХИНА – в Буэнос Айрес.

По получении ответа немедленно поставим Вас в известность

Снегов».³⁶

³³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 24а. Д. 322. Л. 44.

³⁴ Там же. Л. 44а.

³⁵ Там же. Л. 47.

³⁶ Там же. Л. 49.

Теперь можно было взять паузу в ожидании ответа Алёхина, и значительную: телеграмма почему-то была отправлена в Буэнос-Айрес, хотя шахматная Олимпиада давным-давно закончилась. Алёхин к тому времени провел три месяца в Уругвае и 30 декабря отплыл в Европу, направляясь в Париж³⁷.

Прождав ответа более двух месяцев, Снегов доложил Вышинскому: «Никакого ответа на телеграмму, посланную тов. Ботвинником Алёхину в Буэнос-Айрес в начале декабря не получено». Заодно, припомнив новости полугодовой давности, добавил: «Сообщаем также что циркулировавшие одно время слухи о заключении Алёхиным договора с Капабланкой о матче на мировое первенство не подтвердились»³⁸.

Между составлением и отправлением новой телеграммы Алёхину «в никуда» и новыми шагами Снегова прошла целая советско-финская война. К тому времени Снегов, видимо, понял, что телеграмма была отправлена по слишком старому адресу. Согласовав действия с Наркоматом иностранных дел (конкретно – с «тов. В. Деканозовым»), он 17 марта снова обратился к Вышинскому «с просьбой о разрешении послать повторный запрос Алёхину, находящемуся в Испании, о получении им посланной в декабре 1939 года тов. Ботвинником телеграммы о проведении матча на первенство мира по шахматам»³⁹ (к слову сказать, Алёхина в Испании уже не было). Теперь над ответным ходом задумались в СНК, да так, что 27 марта 1940 г. измученный ожиданием Ботвинник отправил письмо от своего имени непосредственно Вышинскому:

«Хотя мне неприятно вновь самому поднимать вопрос о моем матче на первенство мира, но считаю необходимым сообщить правительству следующее:

1) Прошло более года как я получил (21 января 1939 года) телеграмму от тов. В.М. Молотова (и сейчас я перечитываю ее с чувством искренней благодарности). С тех пор события развернулись следующим образом:

1. Комитет Физкультуры поставил вопрос о месте проведения матча. Ответ пришел 26 марта – тов. Н.А. Булганин распорядился проводить матч в Москве.

2. Я написал вызов Алёхину, который Комитет Физкультуры отправил по просроченному адресу (в Южную Америку). По моему настоянию

³⁷ Leonard M. Skinner; Robert G. P. Verhoeven. Alexander Alekhine's Chess Games, 1902–1946: 2543 Games of the Former World Champion. – Jefferson, N.C.; London, 1998. P. 650.

³⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 24а. Д. 322. Л. 50.

³⁹ Там же. Лл. 52, 53.

копия письма в мае месяце была послана по парижскому адресу Алёхина – она была им получена.

3. В августе месяце я получил от Алёхина подробный ответ, в котором он просил сделать официальное объявление о матче до 20 сентября и сообщил свой адрес до этого же числа. Мной своевременно было составлено ответное письмо, которое, как я потом узнал, не было послано комитетом. Мотивировка – якобы отсутствие окончательного решения СНК.

4. СНК утвердил смету матча в ноябре. Комитет Физкультуры послал за моей подписью телеграмму Алёхину опять-таки по просроченному адресу. Ответа не последовало.

В таком положении вопрос находится по сей день»⁴⁰.

Снегов наверняка получил от аккуратного Ботвинника копию и отреагировал буквально на следующий день, написав Вышинскому, что Ботвинника стоит выдвинуть официально, уже не как просто гроссмейстера, а как представителя СССР в «кандидаты на первенство мира», а затем снова послать его вызов Алёхину. На докладе – резолюция Вышинского: «Тов. Мишунину. Соберите все материалы по этому вопросу, разберитесь и перегов. [орите] со мной»⁴¹.

Через четыре дня Мишунин предложил «разрешить Всес. Комитету по делам ф и с опубликовать в советской печати обращение т. Ботвинника к [т. – *зачеркнуто*] Алёхину по вопросу о проведении первенства мира по шахматам»⁴².

Вышинский предложение одобрил; но с публикацией решили не спешить: ждали хоть какой реакции Алёхина, поскольку на дворе стоял апрель 1940-го, и договоренность с ним была решительно просрочена. Где находился в тот период Алёхин, в Комитете физкультуры не знали.

С помощью переехавшего в СССР на постоянное жительство чешского гроссмейстера Сало Флора в Комитет физкультуры попала вырезка из эмигрантской газеты, из которой стало известно, что Алёхин проживал дома, в Париже; в одном из небольших клубных турниров занял первое место. При этом он немедленно по возвращении явился к военным властям (Франция вела «странную войну» с Германией) и получил уже назначение переводчиком. Снегов мог спокойно вздохнуть: Алёхин ушел на войну, пусть даже «странную», и до ее окончания вряд ли мог выбраться за гра-

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 24а. Д. 322. Л. 21.

⁴¹ Там же. Л. 25.

⁴² Там же. Лл. 26, 28.

ницы Франции. Самое время было пустить в ход классический механизм затягивания ситуации – просить у начальства «указаний»:

«Заместителю председателя СНК Союза ССР
тов. А.Я. Вышинскому

А.А. Алёхин немедленно по возвращении явившийся военным
властям получил уже назначение переводчиком.

Об изложенном Всесоюзный Комитет по делам Физкультуры
и спорта при СНК СССР считает необходимым довести до вашего све-
дения и просит Ваших указаний о порядке дальнейших переговоров
с АЛЁХИНЫМ

17 апреля 1940 В. Снегов».

Рапорт пролежал в папке у Вышинского два месяца, а 26 июня 1940 г. его перечеркнула резолюция «Вопрос в настоящее время снят. Тов. Снегову сообщено (по телефону) 1 июля 1940 года»⁴³. Да и всплыла бумага, видимо, только потому, что 22 июня 1940 г. Франция признала свое поражение в войне с гитлеровской Германией.

Ботвинник не знал, что Алёхин в тщетной надежде вырваться из оккупированной Франции, из гибнущей Европы, демобилизовался, добрался до Марселя и 15 июля отправил телеграмму в кубинское консульство, чтобы получить визу и отправиться в Америку для переговоров о матче с Капабланкой⁴⁴. Ответа он не получил и ближайшие годы провел на территории «тысячелетнего Рейха», а потом Испании и Португалии в тяжелейших условиях.

Эпилог

В конце 1945 г. к вопросу о матче вновь вернулись на правительственном уровне⁴⁵. Советский спорт тогда возглавлял уже не Снегов, а куда более решительный Н.Н. Романов (это он добился реальной профессионализации советского спорта и начала выступлений сборной СССР на всемирных Олимпиадах). Ботвиннику были созданы все условия для похода за чемпионством. В особую статью были выделены «Личные нужды Ботвинни-

⁴³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 24а. Д. 322. Л. 56.

⁴⁴ *Leonard M. Skinner, Robert G. P. Verhoeven. Alexander Alekhine's Chess Games, 1902–1946: 2543 Games of the Former World Champion.* Jefferson, N.C.; London, 1998. P. 656.

⁴⁵ Станислав Железный. Сталин хотел, чтобы я сыграл с Алёхиным (Беседа М.М. Ботвинника с С. Железным) // Красная звезда, №187 (21474), 17 августа 1994.

ка», в частности, «увеличение продовольственного лимита из расчета 2 кгр сливочного масла, 1,5 кгр зернистой икры, 5кгр фруктов, 2 кгр шоколада»⁴⁶. Стоит отметить, что все решения принимались снова на высшем правительственном и партийном уровне, а переписка шла под грифом «Секретно»⁴⁷.

Алехину была отправлена телеграмма следующего содержания: «Я сожалею, что война помешала нашему матчу в 1939 году. Я вновь вызываю Вас на матч за мировое первенство. Если Вы согласны, я жду Вашего ответа, в котором прошу Вас указать Ваше мнение о времени и месте матча. 4 февраля 1946 года. Михаил Ботвинник».

Алехин немедленно начал подготовку к важнейшему поединку, однако сил и здоровья ему уже не хватило. 24 марта 1946 г. чемпион мира ушел из жизни непообежденным. В мае 1948 г. Ботвинник выиграл звание чемпиона мира в Москве, на матч-турнире сильнейших шахматистов планеты.

Выводы

Причину срыва матча Алехин–Ботвинник – важного и знакового для истории контактов СССР и Русского зарубежья (если бы он состоялся), долгое время искали в неблагоприятных внешних факторах, прежде всего таком очевидном, как начало Второй мировой войны, в меньшей степени – в неприятии в СССР «эмигрантов-невозвращенцев».

Проделанный анализ показывает, что куда более существенную роль в срыве судьбоносной встречи двух ведущих шахматистов сыграл советский управленческий аппарат на уровне СНК СССР и нового руководства Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта. Даже в условиях жесткого авторитарного руководства, при наличии руководящих распоряжений В.М. Молотова, Н.А. Булганина и А.Я. Вышинского (а, возможно, и И.В. Сталина) управленцы располагали достаточным набором бюрократических приемов, позволивших оттягивать запуск механизма подготовки и проведения матча до появления благоприятного повода и вовсе прекратить всю работу. В числе таких приемов – перестраховка, затягивание пауз в межведомственной коммуникации, запрос «указаний», перерасчет смет, использование слухов в качестве аргументов, использование ошибочных адресов и переадресовок корреспонденций.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 7576. Оп. 21. Д. 89. Лл. 4–5.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 473. Л. 40.

Причина такой пассивности чиновников заключалась в боязни личной ответственности за поражение советского чемпиона от эмигранта-невозвращенца, особенно в ситуации, когда предыдущие руководители шахматного движения СССР были репрессированы.

В целом данная ситуация свидетельствовала об особенностях модели советского управления в условиях сталинского политического режима, сложившегося в СССР к началу Второй мировой войны.

© Олейников Д.И., 2018

Рукопись поступила в редакцию 20 ноября 2017 г.

Для цитирования: *Олейников Д.И.* Управленческий аппарат сталинской эпохи и состоявшийся матч Алёхин–Ботвинник (1939–1940) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2018. Том 17. № 1. С. 74–91. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-74-91.

ADMINISTRATIVE APPARATUS OF STALIN ERA AND ALEKHINE-BOTVINNIK FAILED MATCH (1939–1940)

Dmitriy I. Oleynikov

Russian State University for the Humanities (RSUH)
6 Miusscay Square, Moscow, 125993, Russia
oleinikovdi@yandex.ru

This article examines the fate of the well-known chess players of the middle of the 20th century – the “expatriate defector” Alexander Alekhine and the Soviet champion Mikhail Botvinnik – as one of the little-known stories related to the history of the contacts between the representatives of the Russian diaspora and the Soviet state of the Stalin era. The author examines the history of the failed match between these two outstanding chess masters in 1939–1940 and shows why the Alekhine-Botvinnik match, which had been initially approved at the highest party and state level, was not held, and find out what role the Soviet administrative apparatus played in this. The author comes to conclusion that under the conditions of strict authoritarian leadership, with the directives of V.M. Molotov, N.A. Bulganin and A.Ya. Vyshinsky, and possibly Joseph Stalin, the managers had a sufficient set of bureaucratic methods that allowed delaying the process of preparing the match up to a favourable occasion which led to the final breakdown in the negotiations. Such methods include precaution, prolonging pauses in interdepartmental communication, requesting

for “instructions”, recalculating estimates, using rumours as arguments, using erroneous addresses and redirecting correspondence. The reason for the officials’ inactivity was the fear of personal responsibility for the defeat of the Soviet champion by the “expatriate defector”, especially in the situation when some leaders of the USSR chess movement were repressed. The author’s analysis provides insight into the problems of the functioning of the executive power in the conditions of the political regime established in the USSR by the beginning of the Second World War.

Keywords: Alexander Alekhine, Mikhail Botvinnik, State Committee for Physical Culture and Sport, apparatchiks, state bureaucracy

REFERENCES

- Zheleznyy, S. “Stalin hotel, chtobyasygral s Alyohinym.” [‘Stalin wanted I played with Alekhine’]. Interview by M.M. Botvinnik. *Krasnaja zvezda*, no. 187 (1994) (in Russian).
- “Nikakie talanty ne spasut Aljohina...” [‘No talent can’t save Alekhine...’]. *Istochnik*, no. 6 (1997): 141 (in Russian).
- Arcangeli, Alessandro. *Cultural history. A Concise Introduction*. London; New York: Routledge, 2012.
- Bernstein, Seth. “Valedictorians of the Soviet School: Professionalization and the Impact of War in Soviet Chess.” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 13, no. 2 (2012): 395–418.
- Botvinnik, M.M. *Shah dvadcatomu veku*. Moscow: AST, Zebra E, 2010 (in Russian).
- Brooklyn Daily Eagle*, May 19, 1929.
- Filippov, A.N. “Gosudarstvennaja politika SSSR v oblasti fizicheskoj kul’tury i sporta: 1920–1930 gg.” [The state policy of the USSR in the field of physical culture and sport: 1920–1930]. Ph.D. diss., P.G. Demidov Yaroslavl State University, 2012 (in Russian).
- Gosudarstvennyy arhiv Rossijskoj Federacii* (thereafter – GA RF) [State archive of the Russian Federation], f. 5446, op. 24a, d. 322.
- GA RF, f. 7576, op. 21, d. 89.
- Hudson, Michael. “*Storming Fortresses: A Political History of Chess in the Soviet Union Cruz, 1917–1948.*” PhD diss., University of California – Santa, 2013.
- Il’in-Zhenevskij, A.F. “Neskol’ko slov ob Aljohine.” [A few words about Alekhine] *Match Alekhine–Kapablanka na pervenstvo mira: sbornik vseh partij matcha*. Leningrad: Shahmatny listok, 1928 (in Russian).
- Kotov, A.A. *Aleksandr Alekhin*. Moscow: Fizkul’tura i sport, 1973 (in Russian).
- Leonard, M. Skinner, Robert, G., and Verhoeven, P. *Alexander Alekhine’s Chess Games, 1902–1946: 2543 Games of the Former World Champion*. Jefferson; N.C.; London, 1998.
- Levin, E.A. “Fenomen politizacii shahmatnogo sporta v SSSR.” [The phenomenon of politicization of chess sport in the USSR]. *Sovremenny eissledovanija social’nyh problem*, no. 11 (2015). <https://www.sisp.nkras.ru>. (in Russian).

- Linder, I.M., and Linder, V.I. *Aleksandr Alekhin: zhizn' i igra*. Moscow: AST: Astrel', 2007 (in Russian).
- Repina, L.G. *Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vekov: social'nye teorii i istoriograficheskaja praktika* [Historical science at the turn of 20th– 21stcenturies: social theories and historiographical practice]. Moscow: Krug, 2011 (in Russian).
- Riordan, James. "Sport in Soviet Society." In *Development of Sport and Physical Education in Russia and the USSR*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Rossijskij gosudarstvenny arhiv social'no-politicheskoj istorii* [Russian state archive of socio-political history], f. 17, op. 125, d. 473.
- Shaburov, Yu.N. *Alekhin*. Moscow: Molodaja gvardija, 2001 (in Russian).
- Winter, Ed. *Capablanca*. Jefferson, N.C.; London, 1989.

Submitted: 20 November 2017

For citation: Oleynikov, Dmitriy I. "Administrative apparatus of Stalin era and Alekhin–Botvinnik failed match (1939–1940)." *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 1 (2018): 74–91. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-74-91.